

ЛИССБЕТ
Котцова

ОН — ПРОБЛЕМА
ОНА — ЕГО
ИСКУШЕНИЕ

НЕВЕСТА *для* ГРОМОВА

СЕРЬЕЗНЫЙ НЕПРИБЛИЖИТЕЛЬНЫЙ РОМАН

Лисбет Котцова

Невеста для Громова

<https://litres.ru/74205802>

Аннотация

Он — Артём Громов. Оперативник спецгруппы, ходячая катастрофа и мужчина, который превращает любую ситуацию в хаос. Наглый, опасный, невозможный. Идеальные отношения? Не смешите его.

Она — Алина Соколова. Холодная, правильная следователь прокуратуры, которая терпеть не может самоуверенных мужчин. Особенно таких, как Громов.

Они должны изображать жениха и невесту, чтобы внедриться в преступную сеть.

Одна квартира. Одна легенда на двоих. Одна кровать. И слишком много искр между ненавистью и желанием.

Вот только игра становится смертельно опасной, когда на Алину открывают охоту.

И теперь Громов готов нарушить любые правила, потому что впервые в жизни боится потерять не себя... а женщину, которая стала его слабостью.

В тексте: — фиктивные отношения — герой-псих с шикарным юмором — сильная героиня — опасные расследования — ревность, страсть и эмоциональные качели — «от ненависти до любви» — очень горячо и очень нежно — хэппи энд ♥️#

Содержание

ГЛАВА 1 КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ЗНАКОМСТВО	4
ГЛАВА 2 ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ БЕСИТ	13
ГЛАВА 3 ПОД ПРИКРЫТИЕМ	30
ГЛАВА 4 ФАЛЬШИВЫЙ ЖЕНИХ	43
ГЛАВА 5 ОДНА КРОВАТЬ	56
ГЛАВА 6 ПРАВИЛЬНАЯ ДЕВОЧКА	69
ГЛАВА 7 НЕНАВИЖУ ТВОИ ШУТКИ	82
Конец ознакомительного фрагмента.	94

ГЛАВА 1 КАТАСТРОФИЧЕСКОЕ ЗНАКОМСТВО

— Громов, ты вообще понимаешь слово «тихо»?

— Понимаю. Но не поддерживаю.

— Когда-нибудь я тебя пристрелю.

— Тогда тебе придётся искать нового красавчика в отдел. Волков даже не повернул головы.

Только тяжело выдохнул, продолжая следить за входом в ресторан через прицел бинокля.

— Если через пять минут операция полетит к чертям — я тебя лично закопаю.

Я усмехнулся и поправил наушник.

Люблю, когда начальство нервничает.

Особенно Волков.

У него в такие моменты лицо становится такое, будто он одновременно хочет убить меня, уволить и усыновить.

— Всё под контролем, командир.

— Именно это меня и пугает.

Несправедливо.

Между прочим, чаще всего мои методы работали.

Да, не всегда по инструкции.

Да, иногда после меня горело имущество, орали свидетели и кто-то обязательно писал объяснительные.

Но результат был.

А результат в нашей работе — главное.

Сегодня мы брали крупного посредника, связанного с оружием и сливом служебных документов.

Прокуратура вцепилась в это дело зубами.

Особенно одна их новая следовательница.

Алина Соколова.

Я её ещё не видел, но уже слышал.

И много.

— Осторожнее с ней, — ржал утром Громов... то есть я сам. Ладно, это Волков предупреждал. — Девочка правильная. Из тех, кто инструкцию вместо молитвы читает.

— Скучная?

— Опасная.

Вот это уже интереснее.

Скучных женщин я не любил.

А опасных — очень даже.

— Объект на месте, — раздался голос в наушнике.

Я сразу подобрался.

Из ресторана вышел мужчина в сером пальто.

Наш клиент.

Нервный.

Озирается.

Руку держит в кармане.

Волков тихо сказал:

— Работаем чисто. Без самостоятельности.

Я оскорблённо фыркнул.

— Ты обо мне ужасно думаешь.

— Нет. Я о тебе слишком хорошо знаю.

Справедливо.

План был простой:
прокуратура ведёт наблюдение внутри ресторана, мы берём посредника на выходе и аккуратно вытаскиваем информацию по поставкам.

Красиво.

Чисто.

Скучно.

А потом всё пошло по одному месту.

Потому что из переулка справа внезапно вылетел какой-то придурок на байке.

На скорости.

Прямо на нашего объекта.

Мужик дёрнулся, резко вытащил пистолет и заорал:

— ЛОЖИСЬ!

Твою мать.

— ГРОМОВ, НЕ ЛЕЗЬ! — рывкнул Волков.

Поздно.

Я уже сорвался с места.

Потому что, когда человек с пушкой начинает паниковать посреди людной улицы, времени на «аккуратный план» больше нет.

Я влетел в посредника плечом.

Мы оба рухнули на асфальт.

Выстрел ударил где-то рядом.

Люди завизжали.

Байкер снёс мусорный бак.

Кто-то заорал:
 «Полиция!»

Красота.

— На землю! Всем лежать! — рявкнул я, выкручивая мужику руку.

Тот матерился, пытался вырваться и едва не словил локтем мне в челюсть.

Я впечатал его лицом в асфальт.

— Не дёргайся, Рэмбо.

— Громов, мать твою... — прорычал в наушнике Волков.

— Всё под контролем!

— У тебя всегда всё под контролем перед катастрофой!

Но катастрофа уже приехала.

На огромных каблуках.

— ЧТО ВЫ ТВОРИТЕ?!

Женский голос прорезал улицу так резко, что я машинально поднял голову.

И завис.

Твою мать.

Высокая блондинка в строгом светлом пальто неслась к нам через улицу с таким лицом, будто сейчас лично устроит конец света.

Красивая.

Очень.

Только злая как чёрт.

— Вы сорвали наблюдение! — рявкнула она.

Я моргнул.

А потом медленно улыбнулся.

О-о-о.

Так вот ты какая, Соколова.

Интересно.

— Зато задержал вашего парня, — спокойно сказал я.

— Вы должны были ждать сигнала!

— А он должен был не махать пистолетом.

Её глаза опасно сузились.

Красивые глаза.

Ледяные.

— Кто вообще пустил вас на эту операцию?

Я хмыкнул.

— Родители в детстве плохо следили.

Волков за моей спиной тихо простонал:

— Господи...

Но было уже поздно.

Потому что Соколова подошла вплотную.

И я впервые понял, что выражение «убить взглядом» — не метафора.

— Из-за вас мы потеряли второго фигуранта, — процедила она.

— Зато первого не потеряли.

— Потому что вы как ненормальный бросились под пули!

— Ну спасибо за комплимент.

— Это не комплимент!

— А прозвучало страстно.

Волков закрыл лицо рукой.

Я почти услышал его внутреннее:
 «Почему я с ним работаю?»

А вот Соколова, кажется, сейчас реально собиралась меня придушить.

— Вы вообще всегда ведёте себя как клоун?

О.

А вот это уже интересно.

Я медленно поднялся, передавая задержанного оперативникам.

Подошёл ближе.

Настолько, что почувствовал запах её духов.

Что-то лёгкое.

Но с ума сводящее.

— Только рядом с красивыми женщинами.

— Не флиртуйте со мной.

— Почему? Боитесь влюбиться?

Она посмотрела так, что у меня внутри что-то неожиданно дёрнулось.

Не от страха.

От азарта.

Потому что эта женщина вообще не пыталась мне понравиться.

Наоборот.

Именно поэтому я уже не мог перестать смотреть.

— Я боюсь только идиотов, — холодно сказала она.

— Тогда вам точно стоит держаться от меня подальше.

Волков подошёл между нами прежде, чем ситуация окончательно стала напоминать брачные игры психов.

— Всё. Закончили.

Соколова резко повернулась к нему.

— Майор, ваши люди сорвали полтора месяца нашей работы.

— Зато посредник у нас.

— Второй ушёл!

— Найдём.

Она нервно усмехнулась.

И вот этот смех был опаснее крика.

— Конечно. Потому что господин Громов решил устроить боевик посреди операции.

Я невинно поднял руки.

— Но красиво же было.

— Вы невыносимы.

— Спасибо.

— Это не комплимент!

— Да что ж такое-то...

Волков тяжело выдохнул.

— Громов, заткнись.

— Уже молчу.

— Поздно.

Соколова резко развернулась и пошла к машине прокуратуры.

Красивая походка.

Очень.

Я проводил взглядом.

Потом задумчиво протянул:

— А она мне нравится.

Волков посмотрел на меня как на психически больного.

— Нет.

— Да.

— Даже не думай.

— Уже думаю.

— Громов...

Я ухмыльнулся.

Широко.

Опасно.

Потому что внутри уже включился азарт.

А это всегда плохо заканчивалось.

Особенно для меня.

— Как её зовут полностью?

— Тебе зачем?

— На свадьбу приглашение подпишу.

Волков уставился в небо.

— Господи, за что...

А я смотрел вслед машине Соколовой и чувствовал стран-

ное, непривычное ощущение.

Будто мне только что прилетело под дых.

Красиво.

С размаху.

И, кажется, эта женщина станет моей самой большой проблемой.

Или я — её.

ГЛАВА 2 ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ БЕСИТ

Я не думал о женщинах после работы.

Принципиально.

Работа закончилась — всё. Голова выключилась, душ, еда, диван, иногда бар, иногда приятная компания без лишних вопросов и ожиданий.

Просто.

Удобно.

Без драмы.

Но сегодня всё пошло не так.

Потому что вместо нормального вечера я сидел дома на кухне, ел остывшую пиццу и уже двадцать минут пялился в одну точку.

А в голове крутилась она.

Алина Соколова.

Следователь прокуратуры.

Женщина с ледяными глазами, идеальной осанкой и голосом, которым можно было резать сталь.

И с таким выражением лица, будто я был не человеком, а уголовным преступлением против её личного порядка.

— Клоун в форме, — пробормотал я и хмыкнул.

Смелая.

Обычно женщины реагировали на меня иначе.

Улыбались.
 Флиртовали.
 Краснели.
 Пытались казаться равнодушными, но всё равно смотрели.

Соколова не смотрела.

Она прицельно уничтожала.

И, что самое раздражающее, это цепляло.

Очень.

Я откинулся на спинку стула, провёл рукой по лицу и выругался.

Нет.

Не цепляло.

Просто бесило.

Вот именно.

Бесило то, что какая-то правильная прокурорская фея решила, будто имеет право читать мне мораль.

Бесило, что она была красивая.

Бесило, что не повелась на мои шутки.

Бесило, что я весь вечер вспоминал не операцию, не выстрел, не задержанного, а то, как она сказала:

«Не флиртуйте со мной».

С таким холодом, будто это не просьба, а приговор.

Телефон завибрировал.

Волков.

Я принял вызов.

— Ну что, командир, скучал?

— Я тебя ненавижу.

— Так сразу? Ни «как дела», ни «не умер ли ты от одиночества»?

— Громов.

О, тон серьёзный.

Я выпрямился.

— Что?

— Завтра в десять разбор операции в прокуратуре.

Я поморщился.

— Зачем?

— Затем, что ты устроил цирк на улице.

— Спас ситуацию.

— Сорвал наблюдение.

— Зато задержал вооружённого идиота.

— И дал уйти второму.

Я закатил глаза.

— Волков, он бы всё равно ушёл.

— А теперь это будет объяснять Соколова.

Я замер.

Вот чёрт.

Имя сработало мгновенно.

Как щелчок пальцев.

И это мне не понравилось.

Совсем.

— Она там будет?

— А ты как думаешь?

— Думаю, она будет рада меня видеть.

На том конце повисла пауза.

Потом Волков устало сказал:

— Артём, я тебя очень прошу. Просто молчи.

— Ты сейчас ранил меня в самое сердце.

— У тебя его нет.

— Грубо.

— И не пытайся с ней флиртовать.

Я усмехнулся.

— Почему?

— Потому что она умная женщина.

— И?

— И пристрелит тебя быстрее меня.

— Всё больше нравится.

— Громов!

— Ладно-ладно. Буду паинькой.

— Вот именно это меня и пугает.

Волков сбросил звонок.

Я отложил телефон и снова уставился в стену.

Десять утра.

Прокуратура.

Соколова.

Прекрасно.

Просто великолепно.

Значит, завтра я снова увижу женщину, которая назвала меня клоуном и смотрела так, будто я испортил ей жизнь одним своим существованием.

Почему-то настроение стало лучше.

Вот это уже было плохо.

Прокуратура пахла кофе, бумагами и человеческой болью.

Ну, может, последнее мне показалось.

Но атмосфера там была именно такая: строгие коридоры, люди с каменными лицами, двери, за которыми явно ломались судьбы и нервы.

Я шёл рядом с Волковым и чувствовал себя как подросток, которого ведут к директору.

Только подросток был метр восемьдесят семь, с табельным оружием и лицом человека, который не раскаивается.

— Ещё раз, — тихо сказал Волков. — Молчишь.

— Ты повторяешься.

— Потому что знаю тебя.

— Я вообще-то умею вести себя прилично.

Он остановился и посмотрел на меня.

Просто посмотрел.

— Что? — возмутился я.

— Ничего. Просто проверяю, не начался ли конец света.

— Очень смешно.

Мы вошли в переговорную.

И я сразу увидел её.

Алина Соколова сидела за длинным столом с папкой перед собой.

В белой рубашке.
 В строгом тёмном пиджаке.
 Волосы собраны низко на затылке.
 Ни одной лишней детали.

И выглядела она так, будто порядок в мире держится исключительно на её силе воли.

Чёрт.

Красивая.

Очень.

Но не так, как женщины, к которым я привык.

Не яркая.

Не мягкая.

Не пытающаяся понравиться.

Холодная.

Собранная.

Опасная.

И именно поэтому хотелось подойти ближе.

Понять, что там под этой бронёй.

А потом она подняла на меня глаза.

И всё желание быть философом умерло.

Потому что взгляд у неё был такой, будто она уже мысленно составила на меня обвинительное заключение.

— Громов, — сухо произнесла она.

— Соколова, — я улыбнулся. — Вы тоже рады меня видеть?

— Нет.

Прямо.

Без паузы.

Волков едва слышно выдохнул рядом.

Я усмехнулся шире.

— Люблю честных женщин.

— Тогда постарайтесь не испортить мне утро ещё сильнее.

Ох.

Ну вот как тут молчать?

— А оно уже испорчено?

— С вашего появления — да.

Волков положил ладонь мне на плечо.

Тяжёлую.

Предупреждающую.

Я поднял руки.

— Всё. Молчу.

Соколова открыла папку.

— Начнём. Благодаря вчерашнему самовольному вмешательству майора Громова...

— Старшего оперуполномоченного, — поправил я.

Она даже не моргнула.

— Благодаря вчерашнему самовольному вмешательству старшего оперуполномоченного Громова мы потеряли фигуранта, за которым наблюдали два месяца.

— Зато второго взяли живым.

— Вы хотите медаль?

— Можно грамоту. В рамочке.

Волков сжал моё плечо сильнее.

Больно, между прочим.

Соколова медленно подняла взгляд.

И вот теперь в её глазах появился огонь.

Не лед.

Огонь.

Злой.

Язвительный.

Живой.

— Вы считаете это смешным?

Нет.

На самом деле нет.

Но с ней почему-то хотелось спорить.

Задевать.

Провоцировать.

Потому что она реагировала красиво.

Слишком красиво.

— Я считаю, что если человек достал пистолет посреди улицы, план уже пошёл к чертям.

— А я считаю, что профессионал сначала думает, а потом бросается под пули.

— А я считаю, что если долго думать, потом будет некому составлять ваши красивые протоколы.

Тишина.

Несколько человек за столом переглянулись.

Волков медленно убрал руку с моего плеча.

Похоже, понял, что останавливать меня уже поздно.

Соколова встала.

Очень спокойно.

И от этого стало интереснее.

— Вы всегда прикрываете безответственность героизмом?

Удар.

Неожиданно точный.

Улыбка на моём лице чуть застыла.

Всего на секунду.

Но она заметила.

Конечно заметила.

Умная.

Чёрт её побери.

— А вы всегда прикрываете страх инструкциями? — тихо спросил я.

Вот теперь замерла она.

Попал.

Её пальцы сжались на папке.

Совсем чуть-чуть.

Но мне хватило.

Алина Соколова тоже не железная.

Просто очень хорошо притворяется.

— Думаю, нам стоит вернуться к делу, — резко сказал Волков.

Правильно.

Потому что ещё немного — и это уже был бы не разбор

операции.

А дуэль.

Соколова первой отвела взгляд.

Села.

Но теперь я точно знал: задел.

И почему-то вместо удовлетворения почувствовал неприятный укол.

Будто сделал не то.

Слишком резко.

Не туда ударил.

Странно.

Обычно меня это не волновало.

Разбор длился два часа.

Два бесконечных часа, в течение которых Соколова методично разбирала каждый мой шаг, каждое нарушение, каждый момент, где «по инструкции следовало иначе».

Я слушал.

Почти молчал.

Почти.

Волков потом даже сказал бы, что я держался героически.

Но самое паршивое было не это.

А то, что она была права.

Не во всём.

Но во многом.

Да, я спас людей на улице.

Да, задержал вооружённого фигуранта.

Но второй ушёл именно потому, что операция сорвалась слишком рано.

И если этот второй был важнее...

Чёрт.

Я ненавидел, когда правильные люди оказывались правы.

Особенно красивые правильные женщины.

После совещания все начали расходиться.

Волков задержался у двери, разговаривая с каким-то прокурором.

А я вышел в коридор и увидел Соколову у окна.

Она стояла спиной ко мне.

Одна.

И впервые за утро не выглядела каменной.

Плечи чуть опущены.

Пальцы сжимают телефон.

Голос тихий, но напряжённый:

— Пап, я всё контролирую... Нет, не надо вмешиваться...

Да, я понимаю последствия... Нет, я не ребёнок.

Я остановился.

Не хотел подслушивать.

Правда.

Но ноги почему-то сами замерли.

Соколова закрыла глаза.

— Я сама разберусь.

Пауза.

Потом тише:

— Пожалуйста, не дави на меня сейчас.

Что-то внутри неприятно кольнуло.

Вот это уже было знакомо.

Ощущение, когда тебя видят не человеком, а функцией.

Должен.

Справься.

Не ошибись.

Она сбросила звонок и несколько секунд просто стояла, уткнувшись лбом в холодное стекло.

А потом резко выпрямилась.

Маска вернулась мгновенно.

— Подслушивать некрасиво, Громов.

Я хмыкнул, выходя из тени коридора.

— А вы сзади глаза держите?

— На таких, как вы, нужен круговой обзор.

— Польщён.

Она повернулась.

Лицо снова спокойное.

Слишком.

И это почему-то начало раздражать.

Не её колкость.

А то, как быстро она спряталась.

— Ваш отец? — спросил я.

Её взгляд мгновенно похолодел.

— Не ваше дело.

— Согласен.

Она удивилась.

Кажется, ожидала, что я продолжу лезть.

Я тоже ожидал.

Но почему-то не захотелось.

— Просто... — я пожал плечами. — Звучало знакомо.

— Что именно?

— Когда родные думают, что лучше знают, как тебе жить.

Она смотрела на меня внимательнее.

Без прежней злости.

И это было странно.

Почти невыносимо.

— Не думала, что вы способны на серьёзные мысли, — сказала она наконец.

— Я вообще ходячий сюрприз.

— Скорее ходячая проблема.

— Тоже правда.

Она неожиданно почти улыбнулась.

Почти.

Крохотное движение губ.

Но я увидел.

И вот тут меня накрыло совершенно идиотским желанием добиться настоящей улыбки.

Полной.

Живой.

Её.

Чёрт.

Это уже совсем плохо.

— Соколова, — позвал я.

Она уже собиралась уйти, но остановилась.

— Что?

Я несколько секунд смотрел на неё.

На строгий профиль.

На усталость в глазах.

На эту броню, за которой явно скрывалось что-то настоящее.

И вдруг сказал:

— Я правда не хотел сорвать ваше дело.

Она замерла.

Совсем.

Потом медленно повернулась.

— Что?

— Не заставляйте повторять. У меня аллергия на извинения.

Её глаза чуть расширились.

Похоже, такого она точно не ожидала.

— Это было извинение?

— Черновик.

— Слабый.

— Я только учусь.

Она смотрела на меня долго.

Будто пыталась понять, издеваюсь я или нет.

А потом тихо сказала:

— Я два месяца вела этого человека.

Улыбка с моего лица исчезла.

— Знаю.

— Нет, не знаете.

Голос стал мягче.

И почему-то от этого пробрало сильнее, чем от её холода.

— Он мог вывести нас на людей, которые сливают информацию из силовых структур. Из-за этого уже погибли свидетели.

Твою мать.

Вот теперь стало совсем не смешно.

— Я не знал.

— Конечно. Потому что вы сначала действуете.

Удар был заслуженный.

Я принял.

Молча.

И, кажется, именно это удивило её больше всего.

— Я исправлю, — сказал я.

Она усмехнулась.

— Вы?

— Я.

— И как же?

— Найду второго.

— Самоуверенно.

— У меня много достоинств.

— Самоуверенность не достоинство.

— Если работает — достоинство.

Она покачала головой.

Но теперь в её глазах уже не было прежней злости.

Осторожность.

Интерес.

И это было опасно.

Для нас обоих.

— Громов.

— Мм?

— Не лезьте в моё дело без разрешения.

Я улыбнулся.

— А если с разрешением?

— Я вам его не дам.

— Посмотрим.

Она прищурилась.

— Вы невыносимы.

— А вы повторяетесь.

И вот тут она всё-таки улыбнулась.

Очень быстро.

Почти незаметно.

Но по-настоящему.

Блядь.

Я пропал.

Нет, конечно, не пропал.

Громовы не пропадают из-за одной улыбки.

Мы просто временно теряем ориентацию в пространстве.
— До встречи, Громов, — сказала она и ушла.

Я смотрел ей вслед и впервые за долгое время не знал, что меня бесит сильнее.

То, что она не ведётся на меня.

Или то, что мне вдруг очень захотелось, чтобы повелась.

Не на шутки.

Не на улыбку.

На меня настоящего.

А вот это уже была проблема.

ГЛАВА 3 ПОД ПРИКРЫТИЕМ

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

— Вы оба меня сейчас заебёте.

Полковник Волков... точнее, уже полковник Орлов — начальник управления — смотрел на нас так, будто всерьёз размышлял, кого пристрелить первым.

Я ставил на себя.

Потому что Алина Соколова хотя бы стояла молча.

Очень молча.

Настолько молча, что у меня начинало срабатывать чувство самосохранения.

Редкое явление.

— Я не буду изображать его девушку, — ледяным голосом сказала она.

— А я не просил меня так оскорблять.

— ГРОМОВ.

— Всё, молчу.

Полковник медленно потёр переносицу.

— Объясняю последний раз. У нас нет других вариантов.

Мы стояли в кабинете уже почти сорок минут.

И за эти сорок минут моя жизнь официально преврати-

лась в очень плохую комедию.

Потому что, по версии начальства, чтобы выйти на владельца сети подпольных поставок оружия, нам с Соколовой нужно было внедриться на закрытый благотворительный аукцион.

Где собирались:
 богатые ублюдки,
 чиновники,
 подставные бизнесмены
 и люди, которые очень любят проверять чужие биографии.

А ещё они пускали туда только пары.

Семейные.

Идеальные.

Стабильные.

Твою мать.

— Почему именно мы? — процедила Соколова.

Полковник посмотрел на неё спокойно.

— Потому что ты ведёшь дело.

Потом перевёл взгляд на меня.

— А Громов умеет втираться в доверие.

Я гордо выпрямился.

— Вот. Хоть кто-то ценит мои таланты.

— Особенно криминальные элементы, — буркнул Волков, стоящий у окна.

Я повернулся к нему.

— Ты вообще на чьей стороне?

— Не на твоей.

Предатель.

Соколова резко захлопнула папку.

— Нет. Это плохая идея.

— Согласен, — поддержал я. — Очень плохая. Катастрофическая даже.

Она бросила на меня убийственный взгляд.

— Не паясничайте.

— Я не паясничаю. Я реально не хочу с вами жить.

Тишина.

Полковник медленно поднял голову.

— Что?

Я моргнул.

— А мы что, жить вместе будем?

— Конечно.

Я резко повернулся к Соколовой.

Она побледнела.

— Нет.

— Да, — спокойно сказал Орлов. — Для легенды вы уже три месяца живёте вместе и готовитесь к свадьбе.

Твою мать.

Я не выдержал и заржал.

Громко.

От души.

Потому что это уже был не план операции.

Это был подарок судьбы.

— Господи... — простонала Соколова, закрывая глаза.

— Нет, подождите... — я едва дышал от смеха. — То есть

ВОТ ЭТО ВОТ ВСЁ...

Я ткнул пальцем между нами.

— ...будет изображать счастливую пару?

— Именно.

— Да нас раскроют через пять минут.

— Почему? — невозмутимо спросил Орлов.

Я повернулся к Алине.

Она смотрела на меня так, будто уже мысленно закапывала.

— Потому что ваша следовательница хочет убить меня с первой встречи.

— Неправда, — холодно сказала она.

Я удивлённо поднял брови.

— Ого. То есть шанс выжить есть?

— Очень маленький.

Вот теперь Волков не выдержал и хмыкнул в сторону.

Предатель номер два.

— Вы справитесь, — отрезал Орлов. — И это не обсуждается.

Соколова резко выпрямилась.

— Я отказываюсь.

Полковник посмотрел на неё долгим взглядом.

— Алина.

И всё.

Одно слово.

Но я сразу понял:
 удар ниже пояса.

Потому что её лицо мгновенно стало жёстче.

— Это приказ?

— Да.

Тишина стала тяжёлой.

Я смотрел на Соколову и впервые видел в ней не просто злую прокуроршу.

А женщину, которая ненавидит терять контроль.

А сейчас её буквально запихивали в ситуацию, где контролировать ничего невозможно.

Особенно меня.

Соболезную ей, конечно.

— Когда начинается внедрение? — глухо спросила она.

— Завтра вы переезжаете в конспиративную квартиру.

Я поперхнулся воздухом.

— ЗАВТРА?!

— Проблемы?

— Я морально не готов.

Соколова резко повернулась ко мне.

— Поверьте, я тоже.

Ох.

Вот это уже прозвучало слишком интересно.

— Ну почему? — я театрально прижал руку к сердцу. — Я очень комфортный мужчина.

— Вы шумный.

— Харизматичный.

— Невоспитанный.

— Свободолюбивый.

— Невыносимый.

— Красивый.

Она открыла рот.

Закрыла.

Потом медленно выдохнула:

— Господи, дай мне сил.

Я довольно улыбнулся.

Обожаю выводить её из себя.

Особенно потому, что за этой холодной маской у неё сразу начинают гореть глаза.

Живые.

Настоящие.

Чёрт.

Опасно.

Очень.

— Ты сейчас выглядишь подозрительно счастливым, — заметил Волков, когда мы вышли из кабинета.

Я сунул руки в карманы и широко улыбнулся.

— Я буду жить с Соколовой.

— Ты больной.

— Есть такое.

Он остановился посреди коридора.

— Артём.

О.

Полное имя.

Плохо.

Я вздохнул.

— Что?

— Не играй с ней.

Улыбка медленно сползла с моего лица.

Потому что тон у него был серьёзный.

Слишком.

— Ты сейчас как старший брат звучишь.

— Потому что знаю таких, как ты.

Я хмыкнул.

— Каких?

Волков посмотрел прямо мне в глаза.

— Тех, кто превращает всё в шутку, пока однажды не становится поздно.

Удар.

Неожиданно.

Я отвёл взгляд первым.

Ненавижу, когда он попадает в точку.

— Это просто операция, — небрежно бросил я.

— Тогда почему ты улыбаешься как идиот с того момента, как услышал про неё?

Твою мать.

— Иди к чёрту.

— Уже был. Там сказали, что ты позже подъедешь.

Я показал ему средний палец.

Он впервые за утро усмехнулся.

Но потом снова стал серьёзным.

— Соколова не похожа на тех, с кем ты обычно развлекаешься.

Я резко посмотрел на него.

— А кто сказал, что я собираюсь развлекаться?

Волков молчал.

И вот это молчание внезапно начало раздражать.

Потому что он видел.

Чёрт возьми, он реально видел меня насквозь.

А я сам ещё не понимал, что происходит.

Точнее, не хотел понимать.

Квартира оказалась просторной.

Слишком уютной для конспиративной.

Большая кухня.
 Гостиная.
 Одна спальня.

Одна.

Я медленно повернулся к оперативнику, который нас привёз.

— А вторая где?

— Нет второй.

— Очень смешно.

— Это легенда реальной пары. У них одна спальня.

Я прикрыл глаза.

Господи.

Соколова рядом застыла с таким лицом, будто сейчас ко-

го-нибудь придушит проводом от чайника.

— Я буду спать в гостиной, — холодно сказала она.

— Почему это?

Она медленно повернулась ко мне.

— Потому что я не собираюсь спать с вами в одной комнате.

Я усмехнулся.

— Соколова, расслабьтесь. Я не наброшусь на вас ночью.

— Вот это сейчас прозвучало совсем не успокаивающе.

— А зря. Между прочим, я джентльмен.

— Вы? Джентльмен?

— Да.

Она посмотрела на меня с таким искренним сомнением, что стало даже обидно.

Немного.

— Ладно, — я театрально вздохнул. — Спите в спальне. Я великодушно уступаю.

Она подозрительно прищурилась.

— Просто так?

— Нет. За это вы однажды скажете, что я самый прекрасный мужчина в вашей жизни.

— Никогда.

— Посмотрим.

Она отвернулась, закатывая глаза.

Но я снова заметил:
 губы дрогнули.

Почти улыбка.

Твою мать.

Почему это радует меня больше, чем должно?

Мы молча разбирали вещи.

Точнее, она разбирала.

Я мешал.

— Вы всегда ходите за людьми хвостом?

— Только за красивыми женщинами.

— А если я сейчас ударю вас этой вешалкой?

— Будет сексуальное напряжение.

Она резко обернулась.

— У вас вообще всё сводится к флирту?

Я задумался.

— Нет. Иногда ещё к дракам.

— Верю.

Я улыбнулся.

Широко.

И вдруг понял:
 в квартире слишком тихо.

Слишком близко.

Слишком... по-домашнему.

Это нервировало.

Непривычно.

Обычно женщины в моём пространстве долго не задерживались.

А тут — совместная операция.

Недели рядом.

Одна квартира.

Одна легенда.

И женщина, которая выводит меня из себя одним взглядом.

Прекрасно.

Просто прекрасно.

— Правила, — вдруг сказала Соколова.

— Мм?

Она повернулась ко мне, скрестив руки на груди.

Строгая.

Красивая.

Опасная.

— Никакого флирта вне легенды.

— Жестоко.

— Никаких комментариев про мою внешность.

— Это уже нарушение прав человека.

— Громов.

— Молчу.

— И никаких попыток залезть мне в голову.

Я замер.

Потому что последняя фраза прозвучала слишком серьёзно.

Не как шутка.

Как предупреждение.

Интересно.

Очень.

— Хорошо, — неожиданно спокойно сказал я.

Она нахмурилась.

Кажется, ожидала привычного стёба.

А мне вдруг не захотелось шутить.

Потому что в её глазах на секунду мелькнуло что-то настоящее.

Усталость.

Осторожность.

Будто её уже ломали раньше.

И вот это почему-то цепануло сильнее всего.

— Тогда и вы правило запомните, Соколова.

— Какое?

Я медленно подошёл ближе.

Совсем чуть-чуть.

Но она сразу напряглась.

Почувствовал.

— Не смотрите на меня так, будто я ваш враг.

Тишина.

Она подняла глаза.

И впервые между нами не было злости.

Только напряжение.

Густое.

Опасное.

Такое, от которого начинает сбиваться дыхание.

— А если вы им и окажетесь? — тихо спросила она.

Я смотрел на неё несколько секунд.

Потом так же тихо ответил:

— Тогда это будет очень хреново для нас обоих.

ГЛАВА 4 ФАЛЬШИВЫЙ ЖЕНИХ

— Нет.

— Да.

— Нет, Громов. Я это не надену.

Я лениво облокотился о дверной косяк спальни и с нескрываемым удовольствием наблюдал за Алиной.

Боже.

Это было лучше любого сериала.

Потому что обычно ледяная Соколова сейчас стояла посреди комнаты с платьем в руках и выглядела так, будто готова совершить убийство.

Причём моё.

— Ты слишком нервная для невесты, — заметил я.

Она медленно подняла голову.

Очень медленно.

Опасно.

— Повтори.

Я улыбнулся шире.

— Невеста должна смотреть на жениха с любовью, а не как киллер на цель.

— Я смотрю как человек, который жалеет, что пистолет остался в сейфе.

— О, то есть чувства уже появились.

— ГРОМОВ.

Я заржал.

Не смог сдержаться.

Потому что выводить её из себя становилось моей новой зависимостью.

Очень вредной.

Очень приятной.

И очень опасной.

Соколова сжала платье в руках.

Светлое.
Облегающее.
С открытыми плечами.

Я увидел его ещё утром, когда нам привезли вещи для легенды.

И с тех пор честно пытался не думать о том, как она будет в нём выглядеть.

Получалось хреново.

— Если ты не прекратишь улыбаться как псих, я действительно тебя ударю.

— Ты постоянно угрожаешь мне насилием. Это уже токсичные отношения.

— У нас нет отношений!

— А жаль.

Она резко отвернулась и скрылась в ванной, громко хлопнув дверью.

Я довольно выдохнул.

Нет, ну серьёзно.

Кто вообще придумал отправлять меня под прикрытием с красивой злой женщиной, которая не ведётся на флирт?

Это же прямое нарушение техники безопасности.

Телефон завибрировал.

Волков.

— Ну? — ответил я.

— Вы выехали?

— Нет ещё.

— Почему?

Я усмехнулся, глядя на закрытую дверь ванной.

— Соколова пытается решить, убить меня сейчас или после аукциона.

На том конце повисла пауза.

Потом Волков обречённо сказал:

— Артём, я тебя очень прошу...

— Да знаю я. Не бесить её.

— Нет. Не доводи её до инфаркта раньше времени.

— Поздно.

В ванной что-то грохнуло.

Я вскинул брови.

— Кажется, меня уже начали устранять.

— Господи... — простонал Волков и сбросил звонок.

Я сунул телефон в карман и снова посмотрел на дверь.

Тихо.

Подозрительно тихо.

— Соколова? — позвал я. — Ты жива?

— Мечтай.

Фух.

Всё нормально.

Через минуту дверь открылась.

И вот тут мне реально понадобилась вся сила воли, чтобы не зависнуть как идиот.

Твою мать.

Платье сидело на ней идеально.

Светлая ткань обнимала фигуру, подчёркивая тонкую талию и длинные ноги.

Волосы распущены.

Никакой привычной строгой укладки.

И из-за этого Алина выглядела не холодной прокурорской акулой.

Женщиной.

Красивой до чёртиков.

Я молчал.

Слишком долго.

Она сразу напряглась.

— Что?

Я сглотнул.

Соберись, Громов.

— Ничего.

— Выражение твоего лица сейчас говорит обратное.

— Я просто... — я медленно выдохнул. — ...пытаюсь пережить увиденное.

Она закатила глаза.

Но я заметил:
щёки слегка порозовели.

О-о-о.

Интересно.

— Не смотри так.

— Как?

— Будто сейчас скажешь что-нибудь ужасное.

Я честно задумался.

Потом улыбнулся.

— Выходи за меня.

Она уставилась на меня.

Пару секунд просто молча смотрела.

А потом взяла с дивана подушку и швырнула в меня.

— Придурок!

Я поймал подушку, смеясь.

— Ну а что? Легенду надо отрабатывать качественно.

— Я тебя ненавижу.

— Неправда. Между нами химия.

— Между нами уголовная статья.

Вот теперь я окончательно понял:
 вечер будет прекрасным.

Аукцион проходил в загородном клубе.

Дорогие машины.
 Охрана.
 Люди с такими лицами, будто совесть они потеряли ещё в девяностых.

Идеальное место.

Я вышел из машины первым и обошёл её, открывая дверь Алине.

Она посмотрела подозрительно.

— Что?

— Ты ведёшь себя слишком прилично.

— Я вообще-то отличный жених.

— Фальшивый.

Я наклонился ближе.

Настолько, чтобы почувствовать её духи.

И тихо сказал:

— А жаль.

Она резко вдохнула.

Есть.

Попал.

Но уже через секунду Соколова снова включила свою ледяную броню.

— Работай, Громов.

— Уже.

Я подставил ей локоть.

Она секунду колебалась.

Потом всё-таки взялась.

И вот этот простой жест внезапно ударил по нервам сильнее, чем должен был.

Потому что её пальцы оказались тёплыми.

Мягкими.

А ещё она подошла слишком близко.

Настолько, что я чувствовал её дыхание.

Чёрт.

Это начинало становиться проблемой.

— Улыбайся, — тихо сказал я.

— Зачем?

— Потому что счастливая невеста не выглядит так, будто хочет расчленить жениха в лесу.

— Не мешай мне мечтать.

Я усмехнулся.

И приобнял её за талию.

Просто для легенды.

Правда.

Но Соколова мгновенно напряглась.

Очень.

Я почувствовал.

— Расслабься, — тихо сказал я.

— Убери руку.

— Нас спалят.

— Громов...

— Алина.

Она замерла.

Потому что впервые я назвал её по имени вот так.

Тихо.

Без шутки.

Без издёвки.

Просто Алина.

И это почему-то изменило всё.

На секунду между нами стало слишком тихо.

Слишком близко.

А потом к нам подошёл мужчина лет пятидесяти с бокалом виски.

— О-о-о, а вот и молодые.

Я сразу улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой.

— Добрый вечер.

— Наслышан о вас, Артём.

Ну конечно.

По легенде я был владельцем охранной фирмы с сомнительными связями.

Практически не соврали.

— А это ваша невеста?

Я посмотрел на Алину.

И едва не забыл текст.

Потому что она вдруг улыбнулась.

Мягко.

Красиво.

Так, будто действительно была счастлива стоять рядом со мной.

Опасная женщина.

Очень.

— Да, — сказал я чуть хриплее, чем хотел. — Моя невеста.

Её взгляд на секунду дрогнул.

Совсем слегка.

Но я заметил.

— Повезло вам, — усмехнулся мужик.

— Это ей повезло, — невозмутимо ответил я.

Алина незаметно ткнула меня каблуком в ногу.

Я не поморщился.

Настоящий мужик.

Первые полчаса прошли спокойно.

Слишком спокойно.

Мы ходили по залу.
 Улыбались.
 Общались.

Собирали информацию.

И всё бы ничего, если бы Соколова не выглядела так красиво, что мне уже хотелось кого-нибудь ударить.

Особенно мужчин вокруг.

Потому что они смотрели.

Все.

И это неожиданно начало бесить.

Сильно.

— Ты сейчас прожжёшь дырку вон в том банкире, — тихо заметила Алина, отпивая шампанское.

— Он пялится на тебя.

— Мы здесь вообще-то работаем.

— А он вообще-то дышит рядом с тобой слишком уверенно.

Она медленно повернулась ко мне.

В глазах вспыхнуло удивление.

Потом насмешка.

— Ты сейчас ревнуешь?

Я усмехнулся.

— Я сейчас оцениваю угрозу.

— Конечно.

— Он мне не нравится.

— Ты его даже не знаешь.

— Уже достаточно.

Она тихо фыркнула и отвернулась.

Но я успел заметить:
улыбку прятала.

Чёрт.

Мне нравилось, когда она улыбается из-за меня.

Очень.

Это уже был плохой знак.

— Артём! — вдруг раздался женский голос.

Твою мать.

К нам уверенно приближалась высокая брюнетка в красном платье.

И по тому, как она на меня смотрела, стало понятно:
знакомы.

Очень.

Алина мгновенно почувствовала изменение атмосферы.

О да.

Вот сейчас будет весело.

— Не знала, что ты помолвлен, — брюнетка остановилась рядом и откровенно скользнула взглядом по мне.

Соколова рядом стала ледяной.

Я почти физически почувствовал.

— Сам в шоке, — невозмутимо ответил я.

— И давно?

Я приобнял Алину ближе.

Чисто инстинктивно.

— Достаточно, чтобы я уже начал бояться свадебных салонов.

Брюнетка засмеялась.

Но взгляд у неё был неприятный.

Слишком внимательный.

— А познакомиться не хочешь?

Я посмотрел на Алину.

Она улыбнулась идеально.

Слишком идеально.

— Алина.

— Ольга.

Они пожали руки.

Как две красивые женщины перед началом войны.

— Артём раньше не рассказывал о серьёзных отношениях, — сладко сказала Ольга.

Алина медленно перевела взгляд на меня.

О-о-о.

Плохо.

Очень плохо.

— Правда? — нежно спросила она.

Я улыбнулся.

— Просто раньше не было серьёзных отношений.
И тут Соколова сделала то, чего я вообще не ожидал.
Она медленно поднялась на носочки и поправила мне воротник.

Очень интимно.

Очень нежно.

А потом тихо сказала:

— Потому что до меня он был абсолютно невыносим.

Удар.

Прямо в сердце.

Я даже забыл, как дышать.

Потому что её пальцы всё ещё касались моей шеи.

А глаза смотрели так...

Будто между нами сейчас вообще никого больше нет.

Ольга быстро поняла, что лишняя.

И ушла.

А мы остались стоять слишком близко.

Слишком.

Я медленно наклонился к Алине.

— Ты сейчас играла?

Она сглотнула.

Я увидел.

— А ты?

Тишина.

Опасная.

Жаркая.

И именно в этот момент в наушнике раздался голос Волкова:

— Громов, не забывай, зачем вы там.

Я прикрыл глаза.

Твою мать.

Поздно, командир.

Кажется, я уже начал забывать.

ГЛАВА 5 ОДНА КРОВАТЬ

Я понял, что это будет ад, в тот момент, когда Соколова вышла из ванной в пижаме.

Нет, серьёзно.

До этого всё ещё держалось на работе.

На легенде.

На привычных перепалках.

На том, что мы были оперативником и следователем под прикрытием.

Но стоило ей появиться в мягких домашних штанах и свободной футболке с влажными после душа волосами, как мой мозг официально перестал быть полезным органом.

Потому что Алина Соколова дома выглядела слишком... настоящей.

Без идеальной укладки.
 Без холодного прокурорского лица.
 Без своей брони.

И это было опаснее всего.

— Что? — сразу насторожилась она.

Чёрт.

Я слишком долго паялся.

— Ничего.

— Врёшь.

— Я просто не ожидал увидеть тебя человеком.

Она прищурилась.

— Очень смешно.

— Нет, правда. Обычно ты выглядишь так, будто сейчас выпишешь мне пожизненное.

— Иногда очень хочется.

Я усмехнулся и сделал глоток пива.

Плохая идея.

Очень плохая.

Потому что теперь мой взгляд сам цеплялся за её голые щиколотки, влажные волосы и эту чёртову домашнюю мягкость.

Твою мать.

Нельзя так выглядеть рядом с мужчиной, которого ты заставила жить в одной квартире.

Соколова прошла мимо меня к кухне.

Близко.

Слишком близко.

Я уловил запах её шампуня.

Что-то лёгкое.

Тёплое.

И внутри моментально стало беспокойно.

— Не сверли меня взглядом, Громов.

— Не могу.

Она замерла возле холодильника.

Медленно повернулась.

— Что значит «не могу»?

Я пожал плечами.

— Ты красивая.

Прямо.

Без шутки.

И это её выбило.

Сразу.

Потому что она ожидала привычного стёба, а я вдруг сказал это слишком спокойно.

Слишком честно.

— Не начинай, — тихо сказала она.

— Я ничего не начинаю.

— Вот именно это и звучит подозрительно.

Я хмыкнул.

Она достала воду из холодильника и отвернулась, но я успел заметить: щёки снова порозовели.

Интересно.

Очень.

— Ты всегда краснеешь, когда я делаю комплименты?

— Я не краснею.

— Краснеешь.

— Это от злости.

— Конечно.

Она захлопнула холодильник чуть громче, чем нужно.

Нервничает.

А вот это уже проблема.

Потому что рядом с нервничающей красивой женщиной у меня мгновенно просыпался внутренний придурок.

— Ты сейчас специально меня бесишь? — спросила она.

Я задумался.

— Нет. Это идёт бонусом.

— Невыносимый человек.

— А ты всё равно живёшь со мной.

— Временно!

— Уже звучит как начало семейной ссоры.

Она резко развернулась.

— Громов!

— Всё-всё. Молчу.

Я поднял руки в капитуляции.

Но улыбка всё равно не исчезала.

Потому что рядом с ней мне почему-то постоянно хотелось смеяться.

Жить.

Провоцировать.

Смотреть, как загораются её глаза.

Плохой знак.

Очень.

Позже стало ещё хуже.

Потому что пришло время спать.

И вот тут выяснилось, что диван в гостиной сломан.

Просто великолепно.

Я стоял посреди комнаты, глядя на перекошенное нечто, которое явно пережило войну, два ремонта и чью-то несчаст-

ную любовь.

— Ты издеваешься, — тихо сказала Соколова за моей спиной.

— Клянусь, это не я.

Она подошла ближе.

Посмотрела на диван.

Потом на меня.

И медленно закрыла глаза.

— Господи...

— Ну, есть вариант спать по очереди.

— Или есть вариант, что ты спишь на полу.

Я возмущённо посмотрел на неё.

— Почему сразу я?

— Потому что ты мужчина.

— Сексизм.

— Смирись.

Я хмыкнул и сел на подлокотник дивана.

Тот жалобно скрипнул.

Даже мебель в этой квартире понимала уровень трагедии.

Тишина затянулась.

Алина стояла посреди комнаты, обняв себя руками.

И впервые за всё время выглядела не злой.

Растерянной.

Совсем чуть-чуть.

Но я увидел.

— Эй, — тихо сказал я. — Это просто сон.

Она посмотрела на меня.

— Ты серьёзно думаешь, что проблема только в сне?

О.

Вот это уже интересно.

— А в чём тогда?

Она открыла рот.

Закрыла.

Потом нервно выдохнула.

— Мы barely знакомы.

— Ты сейчас вставила английское слово в спор. Значит, всё плохо.

— Громов!

Я улыбнулся.

Мягче.

Без привычного давления.

Потому что видел:
она реально напряжена.

И дело уже не в шутках.

— Алина.

Она замерла.

Чёрт.

Её имя мне слишком нравилось.

— Я не трону тебя.

Тишина.

Очень тихая.

Она смотрела внимательно.

Будто пыталась понять, можно ли мне верить.

И вот это почему-то задело сильнее, чем должно было.

Потому что я вдруг понял: ей нечасто давали чувствовать себя в безопасности.

— Я знаю, — тихо сказала она.

Удар.

Прямо в грудь.

Потому что ответила она слишком быстро.

Будто действительно верила.

Твою мать.

— Тогда в чём проблема?

Она отвела взгляд первой.

— В том, что это странно.

— Спать рядом?

— Да.

Я медленно поднялся и подошёл ближе.

Не вплотную.

Осторожно.

Чтобы не спугнуть.

— Ты боишься меня?

Она сразу посмотрела в глаза.

— Нет.

Ни секунды сомнений.

И от этого внутри что-то опасно дрогнуло.

— Тогда чего боишься?

Вот теперь она замолчала надолго.

Слишком.

А потом тихо сказала:

— Того, что рядом с тобой невозможно расслабиться.
Твою мать.

Это сейчас было оскорбление или комплимент?

— Потому что я сексуальный?

Она закатила глаза.

Фух.

Живая.

— Потому что ты действуешь на нервы.

— А-а-а. Ну это да.

Она всё-таки рассмеялась.

Негромко.

Устало.

Но по-настоящему.

И я снова поймал себя на том, что готов слушать этот звук бесконечно.

Опасно.

Очень опасно.

— Ладно, — выдохнула она наконец. — Мы взрослые люди.

— Пока звучит неплохо.

— Просто спим. И всё.

Я приложил руку к сердцу.

— Соколова, ты разбиваешь мне все романтические фантазии.

— У тебя их нет.

— Уже появляются.

Она ткнула меня пальцем в грудь.

— Даже не думай.

Я посмотрел на её руку.

Потом на неё.

И внезапно стало слишком тихо.

Потому что она стояла очень близко.

Потому что её пальцы всё ещё касались меня.

Потому что в её глазах снова мелькнуло что-то опасное.

Не злость.

Не раздражение.

Что-то хуже.

Тянущее.

Жаркое.

Мы оба это почувствовали.

Сразу.

А потом Алина резко отдернула руку.

И отошла.

Будто сама испугалась.

О.

Вот теперь мне точно конец.

Кровать была большой.

Но, мать её, недостаточно.

Я лежал на своей стороне, закинув руки за голову, и смотрел в потолок.

Темно.

Тихо.

И рядом Соколова.

Слишком рядом.

Я слышал её дыхание.

Чувствовал запах волос.

Ощущал тепло её тела даже через расстояние.

Это было ненормально.

Абсолютно.

— Ты спишь? — вдруг тихо спросила она.

Я усмехнулся в темноту.

— С тобой в одной кровати? Конечно нет.

— Придурок.

— А ты?

— Тоже нет.

Тишина.

Густая.

Странная.

— Алина?

— Мм?

— Можно вопрос?

— Уже боюсь.

— Почему ты такая напряжённая рядом со мной?

Она долго молчала.

Очень.

Я уже подумал, что не ответит.

А потом тихо прозвучало:

— Потому что ты слишком легко лезешь людям под кожу.

Улыбка медленно исчезла с моего лица.

— И это плохо?

— Для меня — да.

Я повернул голову.

В темноте её почти не было видно.

Только силуэт.

И глаза.

Господи.

Даже в темноте у неё красивые глаза.

— Почему?

Она тихо выдохнула.

— Потому что такие мужчины обычно не остаются надолго.

Удар.

Неожиданно болезненный.

Я нахмурился.

— Это сейчас был намёк, что я бабник?

— А разве нет?

Ну.

Технически...

— Ты сейчас очень некстати подняла тему моей репутации.

Она тихо хмыкнула.

Но смех быстро исчез.

— Просто... мужчины вроде тебя не умеют быть серьёзными.

Твою мать.

Вот сейчас захотелось доказать обратное.

Сразу.

Жёстко.

Проблема была в том, что я сам не знал, умею ли.

— А если умеют? — тихо спросил я.

Она повернулась ко мне.

Медленно.

Я почувствовал движение матраса.

И внезапно воздух в комнате стал слишком горячим.

— Тогда это ещё опаснее, — прошептала она.

Удар.

Снова.

Мы замолчали.

Смотрели друг на друга в темноте.

Слишком долго.

Слишком внимательно.

И я впервые за очень долгое время понял:
 мне не хочется шутить.

Вообще.

Хотелось придвинуться ближе.

Коснуться её.

Проверить, такая ли у неё мягкая кожа, как я уже успел представить.

Твою мать.

Нет.

Плохая идея.

Очень.

Потому что Соколова — не женщина на одну ночь.

Именно это я вдруг понял с пугающей ясностью.

А значит, нужно держать дистанцию.

Срочно.

Прямо сейчас.

Пока не поздно.

— Спи, Алина, — хрипло сказал я.

Она молчала ещё пару секунд.

Потом тихо ответила:

— Спокойной ночи, Громов.

Но проблема была в том, что после этого разговора спокойно уже не было ничего.

ГЛАВА 6 ПРАВИЛЬНАЯ ДЕВОЧКА

Я понял, что что-то не так, когда Алина начала извиняться перед кофемашиной.

Серьёзно.

Мы торчали в конспиративной квартире уже четвёртый день, и к этому моменту я успел выяснить несколько вещей:

Соколова:
 — ненавидит беспорядок,
 — всегда складывает вещи идеально ровно,
 — читает документы даже за завтраком,
 — почти не спит,
 — и извиняется перед техникой, если случайно её задевает.

Нормальный человек?

Нет.

Очень красивая тревожная женщина.

Опасное сочетание.

— Ты сейчас сказала «прости» кофеварке? — уточнил я, лениво наблюдая за ней из-за кухонного стола.

Она даже не обернулась.

— И что?

Я медленно отложил телефон.

— Алина... это был бытовой прибор.

— Он ни в чём не виноват.

Я уставился на неё.

Потом заржал.

Не смог сдержаться.

Она резко повернулась.

— Что смешного?

— Ты.

— Очень оригинально.

— Нет, правда. Кто вообще извиняется перед кофемашиной?

— Воспитанные люди.

— А-а-а. Тогда я мимо.

Она закатила глаза и поставила передо мной чашку кофе.

Чёрный.
 Без сахара.

Я замер.

— Ты запомнила?

— Что?

— Как я пью кофе.

Она тоже застыла на секунду.

Совсем коротко.

Но я заметил.

Потому что рядом с ней я вообще начал замечать слишком много.

— Это не сложно, — сухо сказала она.

Но щёки слегка порозовели.

Твою мать.

Опять.

И именно в этот момент я понял:
 мы влипаем.

Оба.

По-крупному.

Днём мы работали по легенде.

Улыбались нужным людям.
 Собирали информацию.
 Ездили на встречи.

А вечером возвращались в квартиру и будто случайно начинали жить как настоящая пара.

Это было странно.

Неправильно.

И слишком легко.

Я привык к женщинам, рядом с которыми нужно было играть.

Флиртовать.
 Очаровывать.
 Держать дистанцию.

С Алиной всё было иначе.

С ней хотелось просто быть рядом.

И вот это уже пугало.

— Ты опять пьялишься, — сказала она вечером, не поднимая головы от ноутбука.

Я лежал на диване и действительно смотрел на неё уже минут пять.

Ну а как не смотреть?

Она сидела на полу в домашних штанах, собрав волосы в небрежный пучок, и сосредоточенно печатала что-то в документах.

Красивая.

Спокойная.

Домашняя.

Чёрт.

— Я думаю.

— Врёшь.

— Хорошо. Любуюсь.

Она тихо выдохнула.

— Громов...

— Что? Ты объективно красивая.

— Ты всегда так разговариваешь с женщинами?

Я усмехнулся.

— Нет. Обычно хуже.

Она покачала головой.

Но улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

И вот эти её редкие улыбки били сильнее любого флирта.

Потому что были настоящими.

Я поднялся с дивана и подошёл ближе.

Алина сразу напряглась.

Инстинктивно.

Будто ждала подвоха.

Это уже начинало бесить.

Не её.

Того, кто научил её так реагировать.

— Что случилось? — тихо спросил я.

Она нахмурилась.

— Ничего.

— Врёшь.

Тишина.

Я сел рядом на пол.

Близко.

Но не касаясь.

И почему-то сейчас совсем не хотелось шутить.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Будто всё время ждёшь удара.

У неё сбилось дыхание.

Совсем слегка.

Но я заметил.

Чёрт.

Попал.

Алина медленно закрыла ноутбук.

— Не лезь туда, Громов.

— Уже хочется.

Она устало потёрла переносицу.

И вдруг показалась такой вымотанной, что внутри неприятно кольнуло.

— Ты вообще умеешь не лезть людям в душу?

— Нет.

— Это не достоинство.

— Зато честно.

Она молчала долго.

Я уже думал, что сейчас пошлёт меня к чёрту.

Но вместо этого Алина вдруг тихо спросила:

— Почему тебе вообще интересно?

Простой вопрос.

Только вот ответ оказался совсем не простым.

Потому что мне действительно было интересно.

Слишком.

Какого чёрта?

Я пожал плечами.

— Ты не похожа на человека, который просто любит контроль.

Она усмехнулась.

Горько.

И вот эта усмешка мне совсем не понравилась.

— А на кого похожа?

— На человека, которого однажды очень больно уронили.

Тишина.

Тяжёлая.

Я видел, как её пальцы медленно сжались на крышке ноутбука.

И понял: **
**блядь.

Это правда.

— Ты слишком наблюдательный, — тихо сказала она.

— Работа такая.

— Нет. Это не работа.

Она наконец посмотрела на меня.

Прямо.

Без привычного льда.

И вот это оказалось хуже всего.

Потому что там была боль.

Настоящая.

Глубокая.

Старая.

— Люди не становятся такими просто так, Громов.

У меня внутри всё неприятно сжалось.

— Какими?

Она усмехнулась.

Очень невесело.

— Осторожными.

Твою мать.

Я вдруг понял: это не про характер.

Это про выживание.

— Кто тебя так испортил? — тихо спросил я.

Алина замерла.

И вот теперь я реально увидел страх.

Не передо мной.

Перед воспоминаниями.

— Не надо.

— Алина.

— Громов...

Голос дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Но мне хватило.

Я медленно забрал ноутбук из её рук и поставил на пол.

Она не сопротивлялась.

Только смотрела так, будто сейчас решает — довериться или снова спрятаться.

— Он тебе изменил? — спросил я тихо.

И по тому, как резко она вдохнула, понял: **попал** прямо в цель.

Чёрт.

Я почувствовал, как внутри начинает подниматься злость.

На какого-то незнакомого мужика.

Уже заранее.

— Был жених, — наконец сказала она.

Жених.

У меня внутри что-то неприятно кольнуло.

Очень.

Не понравилось мне это слово.

Вообще.

— И?

Она смотрела куда-то мимо меня.

В стену.

Будто снова проваливалась в прошлое.

— Он был идеальным.

О, ну конечно.

Такие обычно и оказываются мудаками.

— Красивый. Правильный. Умный. Отец его обожал.

Каждое слово звучало как будто выученное.

Без эмоций.

Это ещё хуже.

— А ты?

Она улыбнулась.

Пусто.

— А я думала, что рядом с ним наконец можно расслабиться.

Удар.

Твою мать.

Я молчал.

Потому что уже чувствовал: сейчас будет больно.

— Мы должны были пожениться через месяц.

Она говорила спокойно.

Слишком спокойно.

Так говорят о вещах, которые уже однажды разорвали тебя на куски.

— И что случилось?

Алина тихо выдохнула.

И впервые за всё время отвела взгляд.

Будто ей до сих пор стыдно.

Хотя стыдиться должен был явно не она.

— Я узнала, что он сливал информацию людям, которых мы расследовали.

Я застыл.

Что?

Она коротко усмехнулась.

— Забавно, да? Следователь прокуратуры собиралась замуж за человека, который продавал данные преступникам.

У меня внутри всё похолодело.

— Он использовал тебя.

— Да.

Просто.

Без истерики.

Но именно от этого захотелось кого-нибудь убить.

— Из-за его слива погиб свидетель.

Тишина ударила по комнате.

Я почувствовал, как сжимаются челюсти.

Блядь.

— И после этого... — она медленно подняла на меня глаза. — ...я поняла, что доверять нельзя никому.

Удар.

Прямо в грудную клетку.

Потому что теперь стало понятно всё.

Её контроль.
Её холод.
Её вечная осторожность.

Она не родилась такой.

Её сломали.

А потом она собрала себя обратно по кускам.

Только слишком жёстко.

Слишком правильно.

— Поэтому ты живёшь по правилам? — тихо спросил я.

Она кивнула.

— Правила не предают.

Твою мать.

Вот тут меня накрыло окончательно.

Потому что это прозвучало не как фраза.

Как приговор самой себе.

Я смотрел на неё и впервые за долгое время вообще не знал, что сказать.

Хотелось только одно: найти того ублюдка и сломать ему руки.

Медленно.

Очень.

Алина вдруг нервно усмехнулась.

— Ну вот. Теперь ты знаешь, почему я не люблю таких мужчин, как ты.

Я нахмурился.

— Каких таких?

Она посмотрела прямо в глаза.

— Опасных.

Тишина.

Я вдруг понял одну страшную вещь.

Она боится не меня.

Она боится того, что рядом со мной снова потеряет контроль.

Снова доверится.

Снова станет уязвимой.

И это неожиданно ударило сильнее, чем должно было.

— А если я не такой? — тихо спросил я.

Она горько улыбнулась.

— Все так говорят в начале.

Блядь.

Удар ниже пояса.

Потому что впервые в жизни мне вдруг стало важно, что обо мне думает женщина.

По-настоящему важно.

— Он любил тебя? — неожиданно спросил я.

Алина замерла.

— Что?

— Этот твой жених.

Она долго молчала.

Очень.

А потом тихо ответила:

— Наверное, по-своему.

Я медленно покачал головой.

— Нет.

Она нахмурилась.

— Ты его не знал.

— И не хочу. Но человек, который любит, не подставляет тебя под удар.

Тишина.

Она смотрела на меня так странно, что у меня внутри снова всё перевернулось.

— Ты сейчас говоришь как нормальный человек, — тихо

сказала она.

Я усмехнулся.

— Не привыкай. Репутацию испортишь.

И вот тогда Алина вдруг рассмеялась.

По-настоящему.

Сквозь грусть.

Сквозь усталость.

Но живо.

А я смотрел на неё и понимал:
пропал окончательно.

Потому что теперь мне хотелось не просто её целовать.

Хотелось сделать так, чтобы эта женщина больше никогда не боялась рядом со мной.

ГЛАВА 7 НЕНАВИЖУ ТВОИ ШУТКИ

Всё пошло по одному месту из-за чёртового полотенца.
Серьёзно.

Не перестрелка.
 Не операция.
 Не преступники.
Полотенце.

Я вышел из душа, вытирая волосы, и застыл посреди коридора.

Потому что Алина стояла у шкафа в моей футболке.
В моей.

Белой.

Которая доходила ей почти до середины бедра.

Твою мать.

— Что? — сразу насторожилась она.

Я медленно моргнул.

Потом ещё раз.

Нет.

Картина не исчезла.

Соколова в моей одежде — это явно новый уровень издевательства над моей психикой.

— Ты сейчас выглядишь как очень плохая идея.

Она закатила глаза.

— Моя одежда в стирке.

— Я не жалуюсь.

— А должен.

Я прислонился плечом к стене и продолжил смотреть.

Потому что перестать было невозможно.

Влажные волосы рассыпались по плечам.
 Голые ноги.
 И эта чёртова футболка.

Будто специально создана, чтобы довести меня до инфаркта.

— Ты опять пялишься.

— Я люблюсь.

— Прекрати.

— Не могу.

Она тяжело выдохнула и отвернулась к шкафу.

Но я заметил:
 щёки снова покраснели.

Господи.

Да что она делает со мной?

— Ты специально меня провоцируешь? — тихо спросил я.

Алина резко повернулась.

— Что?!

— Ну а как это ещё назвать?

— Я просто взяла первую попавшуюся вещь!

— И это оказалась моя футболка.

— Потому что ты раскидываешь вещи по всей квартире!

— То есть теперь я виноват, что ты выглядишь слишком сексуально?

— ГРОМОВ!

Я заржал.

Не удержался.

Она схватила подушку с кровати и швырнула в меня.

Я поймал её одной рукой.

— Насилие в семье?

— У нас нет семьи!

— Пока нет.

Подушка полетела в меня снова.

И вот тут я совершил ошибку.

Потому что поймал не только подушку.

Я поймал её за запястье.

Просто машинально.

Резко.

Алина тихо ахнула и потеряла равновесие.

И через секунду врезалась в меня всем телом.

Тишина.

Мгновенная.

Оглушающая.

Я замер.

Она тоже.

Потому что теперь между нами вообще не осталось расстояния.

Её ладони упёрлись мне в грудь.
 Моё дыхание сбилось к чёртовой матери.
 А её волосы пахли чем-то сладким и опасным.

Блядь.

Большая ошибка.

Очень.

— Отпусти, — тихо сказала она.

Но голос дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Я почувствовал.

И это стало последней каплей.

Потому что до этого момента мне казалось: только
меня так кроет рядом с ней.

Только я схожу с ума от каждого случайного касания.

Но сейчас...

Сейчас у Алины тоже дрожало дыхание.

Твою мать.

— Не могу, — хрипло ответил я.

Честно.

Потому что реально не мог.

Она подняла глаза.

И всё.

Мне конец.

Потому что в её взгляде больше не было привычного хо-
лода.

Только напряжение.

Жар.

И что-то опасное, от чего внутри моментально всё вспых-
нуло.

Мы стояли слишком близко.

Слишком.

Я чувствовал её тепло.
Слышал дыхание.
Видел, как быстро бьётся жилка на шее.

И впервые за очень долгое время мне стало страшно.

Не операции.

Не пуль.

Её.

Того, что рядом с этой женщиной я перестаю себя контролировать.

— Громов...

Тихо.

Почти шёпотом.

И то, как она произнесла мою фамилию, ударило прямо под рёбра.

Я медленно опустил взгляд на её губы.

Блядь.

Плохая идея.

Очень плохая.

Потому что я уже не думал ни о правилах.
Ни о легенде.
Ни о работе.

Только о том, как хочу её поцеловать.

Сильно.
Жадно.
До потери воздуха.

И, кажется, Алина это поняла.

Потому что резко вдохнула.

Но не оттолкнула.

Вот это было самым страшным.

Она не оттолкнула.

— Скажи что-нибудь, — хрипло попросил я.

Она нервно усмехнулась.

— Ненавижу твои шутки.

Удар.

Прямо в сердце.

Потому что сейчас между нами впервые не было шуток.

Вообще.

— А я сейчас не шучу.

Тишина.

Её пальцы медленно сжались на моей футболке.

Господи.

Я реально сейчас сорвусь.

— Это плохая идея, — прошептала она.

— Знаю.

— Тогда почему ты так смотришь?

Потому что хочу тебя.

Потому что схожу с ума.

Потому что впервые за много лет рядом с женщиной мне хочется не просто секса.

А чего-то намного опаснее.

Но вслух я сказал другое:

— Потому что ты красивая.

Она прикрыла глаза на секунду.

Будто эти слова сделали только хуже.

А потом тихо произнесла:

— Не надо.

— Что именно?

— Смотреть на меня так.

Я нахмурился.

— Как?

Она медленно подняла взгляд.

И вот теперь в её глазах было столько страха, что меня будто окатило ледяной водой.

— Будто я для тебя что-то значу.

Твою мать.

Я замер.

Потому что в этот момент вдруг понял: она реально боится.

Не меня.

Не поцелуя.

Того, что между нами начинает происходить что-то настоящее.

И, блядь...

Я тоже боялся.

Очень.

Потому что с женщинами вроде Алины нельзя просто «развлечься».

Либо уходить сразу.

Либо влипнуть окончательно.

А я уже, кажется, влипал.

— А если значишь? — тихо спросил я.

Она будто перестала дышать.

И в этот момент телефон зазвонил.

Громко.
 Резко.
 Как выстрел.

Мы одновременно дёрнулись.

Алина отскочила от меня так быстро, будто обожглась.

Я выругался сквозь зубы и провёл рукой по лицу.

Твою мать.

Телефон продолжал орать.

Волков.

Ну конечно.

Я ответил так резко, что бедный командир наверняка пожалел о звонке.

— Что?!

— Ого. Ты чего такой нервный?

— Говори быстро.

На том конце повисла пауза.

Потом подозрительное:

— Я вообще-то по делу звоню...

Я закрыл глаза.

Пытаясь восстановить дыхание.

Рядом Соколова стояла у окна спиной ко мне и явно тоже пыталась прийти в себя.

— Через час встреча с информатором, — сказал Волков.

— И ради бога, не убейте друг друга раньше времени.

Слишком поздно, командир.

Мы тут уже почти умерли.

— Понял, — хрипло ответил я и сбросил вызов.

Тишина.

Тяжёлая.

Неловкая.

Я повернулся к Алине.

Она всё ещё стояла ко мне спиной.

Обняв себя руками.

Маленькая.

Напряжённая.

И такая красивая, что у меня внутри снова всё скрутило.

— Алина.

— Не надо.

Тихо.

Но жёстко.

Я сжал челюсти.

— Мы должны поговорить.

Она нервно усмехнулась.

— О чём? О том, что это была ужасная идея?

— Это был почти поцелуй.

Она резко повернулась.

Глаза блестят.

Щёки горят.

И вся дрожит.

— Вот именно!

— И?

— И этого не должно было случиться!

Я сделал шаг к ней.

Она сразу отступила.

Будто испугалась.

Блядь.

Вот это уже ударило больно.

— Почему?

— Потому что ты... ты...

— Какой?

Она смотрела так, будто сейчас реально скажет что-то важное.

Очень.

А потом выдохнула:

— Потому что ты опасный для меня, Громов.

Тишина.

У меня внутри всё медленно сжалось.

— Я тебя не обижу.

— Ты не понимаешь.

Она покачала головой.

И в её голосе снова появилась та старая боль.

— Такие мужчины, как ты, всегда уходят первыми.

Удар.

Теперь уже по мне.

Я смотрел на неё и неожиданно чувствовал не злость.

Обиду.

Странную.
 Глупую.
 Настоящую.

Потому что она всё ещё видела во мне только красивого

придурка, который играет чужими чувствами.

А я впервые в жизни вообще не играл.

— Ты правда думаешь, что я такой? — тихо спросил я.

Она отвела взгляд.

И вот это было хуже ответа.

Блядь.

Я медленно кивнул.

— Понял.

Она сразу подняла глаза.

Будто слышала что-то не то.

— Громов...

— Нет, всё нормально.

Я усмехнулся.

Криво.

Через силу.

И сам почувствовал, как фальшиво это прозвучало.

— Работать умеем. Чувства — нет. Бывает.

Тишина.

А потом Алина вдруг тихо сказала:

— Именно поэтому я и боюсь тебя.

Удар.

Самый сильный за вечер.

Потому что прозвучало это не как обвинение.

Как признание.

И, кажется, мы оба в этот момент поняли одно и то же:
между нами уже слишком поздно делать вид, что ничего

не происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.